

УДК 94(47)

Е.Н. Наседкин¹

**История одной кражи: реалии и практики выборной
службы сторожей на Московском гостином дворе в конце
XVIII в.**

Купечество; Москва; XVIII в.; выборы; таможни; социальные практики; история повседневности.

Доклад посвящен анализу случая кражи со взломом, случившейся на Московском гостином дворе в 1777 г., в которой был обвинен один из сторожей. Охрана гостиных дворов была одной из выборных служб городского торгово-промышленного населения. О том, как избирались сторожа, и каковы были их обязанности, известно очень немного. Изучение казуса кражи дает редкую возможность прояснить некоторые аспекты службы сторожей.

Предлагаемый доклад посвящен анализу следственного дела о краже со взломом, происшедшей на Московском гостином дворе в 1777 г. В материалах этого дела сохранились сведения о малоизвестном институте сторожей гостиных дворов и таможен.

Охрана гостиных дворов была одной из выборных служб городского торгово-промышленного населения. Службы по выбору в XVIII в. охватывали большое количество государственных потребностей. Государство в порядке повинности обязывало выборных людей из купечества безвозмездно служить таможенными сборщиками, продавцами товаров, на которые распространялась казенная монополия: вином, солью и пр. Также купцы должны были исполнять полицейские обязанности и выполнять ряд других служб.

С одной стороны, процедура избрания сторожей находилась в одном ряду с выборами любых других «служителей»², с другой сто-

¹ Наседкин Егор Николаевич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., ennhist@gmail.com.

роны, к кандидатам в сторожа и чернорабочие предъявлялись иные требования, чем к основному персоналу внутренних таможен³, питейных заведений и пр.

До Екатерининских преобразований 1775 г. на должности руководителей казенных учреждений – «выборных» – по закону должны были избираться самые богатые купцы. «Ларечными», замещавшими «выборных» могли становиться все те, кто имел свое небольшое дело, лавочку или промысел. В низшее звено таможенных и «кабацких» служителей – в «целовальники» определяли из членов посадской общины⁴, обретавшихся в наемной работе или занимавшихся мелочным торгом. Таким образом, зажиточность была наиважнейшим критерием отбора кандидатов, поскольку с состоятельного служителя было проще взыскать возможную недоимку. Вторым условием была грамотность – без этого невозможно было вести делопроизводство.

К материальному положению сторожей предъявлялись прямо противоположные требования. В инструкции 1742 г. приводятся следующие рекомендации: «в ратушские, таможенные, слободские сторожи и розсылщики, в воженные, дрягили, в рядовых и гостиных дворах сторожи, и в прочия подобныя тому, где обыкновенные себе доходы получать могут допускать из обеднелых граждан, чтобы те могли себе пропитание иметь, и положенную подать платить, а посторонних, опричь граждан недопускать»⁵.

Итак, согласно инструкции, чернорабочих и сторожей должны были выбирать из числа беднейших посадских тяглецов, с тем, чтобы они могли «кормиться от дел», т.е. исполнять разного вида услуги, не противоречившие закону, и получать за это вознаграждение⁶. Такие требования выдвигал закон, другое дело, как это могло реализовываться на практике?

Обстоятельства службы «выборных», «ларечных» и «целовальников» отражались в делопроизводстве и отчетности данных учреждений, в материале следствий по недоимкам и разбирательстве слу-

² В документах часто встречается термин «выборный служитель».

³ Упразднены в 1753 г.

⁴ До реформы Екатерины II 1775 г. «посадские люди» – слой городского населения, имевшего право на торговую деятельность и обязанного за это нести казенные службы.

⁵ ПСЗ. Т. XI. № 8504. С. 564.

⁶ Выборные же, ларечные и целовальники наоборот должны были быть состоятельны, получать какую-либо мзду им настрого запрещено. Срок их службы был ограничен годом, служба же сторожей и чернорабочих могла быть бессрочна.

чаев различных нарушений [2; 3]. Деятельность же низового персонала казенных заведений практически не оставила следов в источниках.

Для функционирования таможен должен был существовать целый штат «пищиков» – т.е. писарей, записывавших в книги товары под диктовку выборных и ларечных. Необходимы были также сторожа и другие чернорабочие. Подписи пищиков на страницах таможенных книг выявляла И.А. Малышева [1]. О сторожах и чернорабочих мы не знаем практически ничего, сведения о них в делопроизводстве таможен встречаются крайне редко. Материалы расследования кражи 1777 г. дают редкую возможность прояснить некоторые аспекты выборов и деятельности сторожей⁷.

Для изучаемого нами вопроса данное дело является сравнительно поздним. С 1775 г. роль казенных служб постепенно начала уменьшаться. С 1753 г. были отменены внутренние таможи, которые часто располагались на гостиных дворах. Однако, как видно из рассматриваемого дела, служба сторожей и администрирование Московского гостиного двора продолжали действовать на старой выборной основе.

Следственное дело открывается рапортом, который подал староста команды сторожей выборному Гостиного двора Василию Евреинову. В нем он изложил обстоятельства утра, когда произошла кража. Староста сообщал, что он подошел на Гостиный двор часу в седьмом утра и четверо его караульных сторожа сообщили ему, что недавно завершили обход Гостиного двора. Стоявшие на карауле докладывали, что замки и печати на всех амбарах (где хранились товары приезжих купцов) находились в целости и сохранности. Убедившись, что все нормально, староста ушел домой и вернулся часу в девятом-десятом и узнал, что у амбара армянина Осипа Яковлева сломан замок и произошла кража.

Староста пришел на место происшествия, там же собралась команда сторожей. В это время армянин Осип Яковлев занимался оценкой убытков, он заявил, что было украдено 700 руб. серебряными монетами и 8 руб. медными пятикопеечными. Кроме того, при осмотре помещения было обнаружено орудие преступления – шило. Согласно свидетельствам сторожей, дверные пробой сбиты не были. Замок нашли неповрежденным внутри амбара, а рядом с замком аккуратно лежало шило с деревянным черенком, при помощи которого его вскрыли.

⁷ РГАДА. Ф. 308. Московский магистрат и ратуша. Оп. 2. Д. 173. Л. 1–173.

Обо всех обстоятельствах староста тут же устно доложил руководителю Гостиного двора – выборному Евреинову. Выборный среагировал следующим образом. Он распорядился, чтобы староста взял шило и, пока сторожа еще не вернулись с караула, пошел домой к одному из них – Афанасию Алексееву и показал шило домашним – не признают ли инструмент своим? Вместе со старостой, видимо в качестве свидетеля, должен был пойти племянник ограбленного армянина Федор Егоров⁸.

Можно предположить, почему выборный заподозрил именно сторожа Афанасия Алексеева. В допросах сторожей сообщалось, что в шестом часу утра осмотр амбаров был проведен сторожем Ильей Никифоровым, дальше в седьмом осмотр проводил Афанасий Алексеев. Между семью и девятью сторожа хотели идти еще в один обход «для верности», но Афанасий Алексеев стал уговаривать их этого не делать, при этом причин не объяснял. Сторожа поддались на уговоры и не пошли; в результате о краже они узнали только от пострадавшего армянина. Такое поведение сторожа Алексеева, конечно, вызвало подозрения руководства. Кроме того, в своих допросах охранники вспоминали, что за несколько недель до этого подобная кража на Гостином дворе уже случалась⁹.

Староста сторожей и племянник армянина отправились на двор к подозреваемому сторожу Алексееву и застали там работника, трудившегося в хозяйстве Афанасия Алексеева. Работник опознал шило и сказал, что инструмент принадлежит возчику, обслуживавшему хозяйство Афанасия Алексеева. Возчик жил на квартире у других купцов. Староста и племянник армянина направились по новому адресу. Возчик, увидев шило, тут же стал отпираться и заявил, что это не его инструмент¹⁰.

При повторных допросах работник Афанасия Алексеева отказался от первичных показаний. Работник оказался малороссиянином, присланным в дом Алексеева на обучение. Афанасий Алексеев был посажен в колодки и просидел до 1778 г. и затем был отпущен безо всяких последствий – изменчивых показаний про шило с точки зрения членов московского магистрата¹¹ было недостаточно¹². Кроме того,

⁸ Там же. Л. 1–1 об.

⁹ Там же. Л. 6–10.

¹⁰ Там же. Л. 1–1 об.

¹¹ В это время московский магистрат является органом сословного суда, а не самоуправления – *Е.Н.*

¹² Там же. Л. 38.

никаких челобитных о продолжении расследования ограбленные армяне не подавали¹³.

Распутывать перипетии следствия – занятие увлекательное, однако самое важное – какие реалии службы сторожей приоткрывает данное дело. Отметим первое: в 1777 г. на Гостином дворе продолжает действовать старая выборная система. Гостиным двором продолжает заведовать выборный. Сторожей по-прежнему избирало купечество – об этом они сообщили на допросах. Охранявшие Гостиный двор в момент происшествия, по их словам, начали свою службу в 1771 – 1775 гг.

Второе, как видно из допросов, существовала система ночной охраны Гостиного двора, заключающаяся в неоднократных обходах территории. Из материалов следствия следует, что, начиная с шести до девяти часов утра, сторожа должны были совершить обход три раза.

И последнее, вспомним, что – по замыслу законодателей – на должности сторожей горожане обязаны были выбирать обедневших и разоренных, которые должны были кормиться от оказания услуг. «Портрет» подозреваемого в краже купца Афанасия Алексеева совершенно иной. У Алексеева на дворе живет ученик, присланный в работу и обучение из далекой Малороссии, у Алексеева есть персональный извозчик. Таким образом, в данной ситуации мы столкнулись с последствиями нарушения закона о выборе сторожей и чернорабочих. Определенно, когда-то ранее на должность сторожа был избран не сирий и убогий, а горожанин, обладавший вполне успешным хозяйством.

Возникает вопрос, сколь выгодным могло быть «кормление от дел» для сторожа, если на эту службу мог пойти такой человек? Может быть, должность сторожа давала какие-то неформальные преференции? Совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с «теневой» стороной экономической жизни, с практиками, которые никак не фиксируются документами. В итоге, этот частный случай заставляет задуматься, какой значительный пласт жизненных реалий прошлого и взаимоотношений между людьми ускользает от внимания ученых и не учитывается в процессе исследований.

1. *Мальшева И.А.* Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.

¹³ Если бы они ее подали, то они должны были бы оплачивать кормление колодника.

2. *Наседкин Е.Н.* Источники и методики их изучения по истории казенных служб московского купечества в 20-е – 30-е гг. XVIII в. // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Материалы конференции. М., 2009.
3. *Наседкин Е.Н.* Казенные службы московского купечества в 20-30-е гг. XVIII в.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2011.